

Церетели же считал политику, принятую социалистическими партиями воюющих стран, в корне ошибочной и надеялся лишь на то, что совершенные этими партиями ошибки будут вскрыты критикой, осознаны рабочими массами и их руководителями и исправлены.

По отношению к внутренней политике, меня увлекала формула «патриотического интернационализма». Мне казалось, что социалисты должны выступить в России под флагом патриотизма; не боясь и не избегая этого опошленного черносотенцами слова: нужно, исходя из интересов русского народа, доказывать, что война, при любом исходе, означает для него великое бедствие, и на этом основании вести агитацию за мир¹⁾.

Церетели считал такое обоснование антивоенной агитации недостаточным. Раз вступив в круг войны, говорил он, Россия не может выйти из него одна. За сепаратный мир ей пришлось бы заплатить страшную цену, и социалисты не могут толкать ее в эту сторону. Усилия должны быть направлены к достижению прочного мира, сохраняющего за страной возможность дальнейшего свободного развития. А такой мир может быть подготовлен лишь усилиями международной демократии. Таким образом, национальным интересам России отвечает лишь интернационалистическая постановка вопроса о мире, соответствующая принципам социализма и интересам всемирного рабочего движения.

Мое соединение терминов «интернационализма» и «патриотизма» Церетели и другие члены усольского кружка считали неудачным.

Между тем, я все острее чувствовал потребность высказаться, выступить публично против отвратительного по-

¹⁾ Другими словами, я склонялся к непосредственной активной антивоенной политике социалистов в каждой отдельной стране, не дооценивал необходимости международной подготовки условий для такой политики. Мне кажется, что это мое настроение было родственно настроениям Ф. Адлера и его единомышленников, которые в другой политической обстановке делали ту же ошибку.

винистического угара. И, вернувшись в Иркутск, я засел за памфлет против войны, которому дал название «В дни мирового пожара».

Брошюра мне не удалась. В ней не хватало научного анализа причин мирового конфликта и отсутствовали живые краски в изображении ужасов войны. Тем не менее, иркутские товарищи, которым я читал свою рукопись, назвали мое произведение весьма замечательным. Церетели, наоборот, остался холоден и, явно стараясь смягчить свой отзыв, заметил:

— Основная мысль здесь настолько хороша, что она заслуживает лучшего выражения и обоснования.

Свой памфлет я переработал и отослал в Петроград, где издательство Ясного пыталось издать его. Но военная цензура задержала брошюру.

* * *

В тот же вечер, когда я читал Церетели свою рукопись «В дни мирового пожара», у нас зашел разговор о том, что следовало бы всей нашей группе выступить со сборником статей, дающим ответ на поставленные войной вопросы.

Сборнику решили придать форму 1-го № журнала, составляя его так, чтобы заранее идти на конфискацию и закрытие.

Кстати у нас было готовое разрешение на еженедельный «Сибирский Журнал», взятое на имя одной партийной работницы И. Ф. Тарадановой, выразившей заранее готовность сесть в тюрьму после 1-го №.

В редакцию вошли Церетели, Рожков и я, но Рожков вскоре уехал в Читу, и выпуск № оказался на нас двоих.